

© Леонард И. Ибраев¹

[Как нам сохранить Россию?]

[I. Демографические катастрофы

- А что Влад не пришёл?
- Не знаешь разве? Нет уже Влада.
- Да что ты говоришь? Наш богатырь-весельчак. Ему же не было и сорока.
- Дорожная авария.

Влад был последним из семьи Барьевых. Все замолчали ошеломлённые, вспоминая его ласковую радушную маму, строгого отца, известного хирурга, умершего от инфаркта, маститого старика-деда, инвалида войны, который, гордясь, показывал нам пожелтевшие фото своего отца – бравого георгиевского кавалера с огромными усами.

И вот не осталось никого. Исчезла фамилия.

Не менее 90 млн. погибших в мировых и гражданских войнах и в терроре – таковы людские утраты России в кошмарах 20-го века². Но с середины 1960-х годов проявилась новая напасть. На «провальной» фазе специфически российской демографической волны (эхе репрессий и войн) в Российской Федерации в 1968 г. рождаемость упала на 40%, с 2,8 млн. детей до 1,8 млн. – отчего смертность ее превысила – и началось незримое таяние населения, с тех пор ставшее постоянным и ускользающим, хотя официально оно замалчивалось и в общесоюзной статистике лукаво маскировалось снижением детской смертности и высокой рождаемостью в Средней Азии и на Кавказе, но с 1992 г., после их отделения, стало явным.

Ныне кто не слышал?]

{Через столетие нас [?] не будет?}

Леонард Иванович Ибраев – кандидат философских наук, доцент Марийского государственного университета (МарГУ).

¹ Статья предлагалась в несколько московских газет и журналов. Была опубликована в “Независимой газете” 7.09.10. под названием “Через столетие нас не будет?” Но сообразно газетному формату урезана больше, чем наполовину.

Здесь – **оранжевое** в квадратных скобках – редакторские изъятия, **синее** в фигурных скобках { } – редакторские вставки.

² Подробнее см. на сайте: www.mari-el.ru/homepage/ibraev/. Часть I.

{ Прозвеневший 1 сентября звонок в школах и в вузах страны – это не только повод для праздника. Но и сигнал о тревожной тенденции – в учебных заведениях страны с каждым годом все больше пустых парт и аудиторий, }

Сокращение населения в России катастрофично, что-то по 0,7-0,9 млн. человек ежегодно.

{ Первые – по абортам }

Нетрудно прикинуть, что при сохранении его нынешних темпов к середине века в стране останется около 100 млн. человек, а по другим прогнозам даже 80 млн., а еще через столетие – не останется ни одного россиянина. Цифры столь ужасающие, что кажутся нереальными; но, увы, такова реальность.

[Специалисты, как отечественные, так и зарубежные, включая ООНовские, уже давно вопиют об этой тревожной демографической перспективе России, на биологический лад окрещенной ими «депопуляцией».

Тем не менее, их]

мрачные картины «вымороченности нации», угроз ее выживания и пророчества неотвратимой трагедии, апокалипсиса и т.д., несмотря на их нередкую истеричность, по-настоящему не трогают наших политиков – и в целом общество не прониклось серьезностью положения. Оппозиционеры используют их для нападок на правительство, а либеральные эксперты, отмахиваясь, защищаются беспечностью. Да время от времени, особенно перед выборами, популисты пошумят о проблеме в обещаниях широковещательных, но пустых, не знающих средств, как её решить. Хотя если народа не станет, то зачем все современные производственные и политические усилия? Тогда все они – бессмысленная суэта.

[Да что будущее! Разве уже сегодня у нас не ощутима нехватка работников и солдат? А способна ли малолюдная страна с отсталой промышленностью и слабым сельским хозяйством обеспечить свою международную безопасность?

Впрочем, как и проникаться-то? Присоединяться к хору причитателей, что ли? Если сами драматизаторы кричат - кричат, а что делать – не знают.

Пожалуй, первым проблеском государственной озабоченности демографической ситуацией можно считать президентское послание В.В. Путина весной 2006 г Федеральному Собранию и последовавшие

национальные проекты, главное в которых – учреждение “материнского капитала”.

Но преодолеют ли они кризис? Знаем ли мы хотя бы его причины?]

Разумеется, никакого «вымирания» (в прямом смысле слова) живущих – от голода, эпидемии или чего-либо подобного – нет. Враг ползет непонятный и невидимый, точно радиация. [А ходкая метафора употребляется для красного словца и хороша для заострения внимания на беде и необходимости приоритета демографической политики.]

Убыль населения является результатом годовых дисбалансов смертей (~2,2 млн.), рождений (~1,2 млн. детей) и миграции.

[С 1999 г с началом экономической и политической стабилизации в стране смертность стала сокращаться, за четыре года ~ на 10%, а число родившихся в 2002 г. поднялось до ~1,4 млн., в 03 – 04 гг. – до ~ 1,5 млн., в 05 г. снова сократилось до ~ 1,45 млн. И в 2009 г. зафиксирован еще некоторый скромный прирост рождений на 0,016%, (на 23 тыс. детей).

Тем не менее, население продолжает быстро таять, за последние три года более чем на 2,5 млн.]

Причины российской сверхсмертности и иммиграционных опасностей требуют отдельного анализа³. [Важен следующий из него вывод: ни удлинение жизни людей, ни иммиграция не решают демографическую проблему. Увеличение продолжительности жизни требует повышения благосостояния и многократного роста расходов на здравоохранение, но без соответствующего прироста новорожденных оборачивается другой бедой – *старением населения*, расширением в нем доли неработающих немощных пенсионеров. Едва ли кого развеселит перспектива старушечьей страны – из одних бабушек, даже почти без дедушек и почти без детей и внуков. Едва ли такая старческая страна жизнеспособна. Видимо, она обречена.

Очевидно, спасение общества не просто в сбережении и продлении жизни живущих, но непременно еще и в *рождении детей*.]

{ Поговорим о детях или, точнее, об условиях, способствующих их рождению. }

Для простого воспроизводства населения, то есть, чтобы хотя бы остановить его сокращение, России необходимо столько же замещающих его рождений; таким образом, не менее 2,2 млн. новых людей ежегодно, а для этого каждая наша семья должна иметь в среднем не менее

³ Наше понимание см. www.mari-el.ru/homepage/ibraev/.

2,1 ребенка. А чтобы начался заметный рост населения, в большинстве семей должно быть не менее 3 детей.

[Но как этого увеличения рождений добиться? Казалось бы, дело нехитрое и приятное, за тысячелетия технология отработана. Как язвил грибоедовский Чацкий: «Чтобы иметь детей, кому ума не доставало?». Но вот тут-то и встает какое-то незримое препятствие – женщины почему-то беременности и родов избегают.

Упорная мысль наших встревоженных экспертов давно бьется над поисками панацеи от этой тайной препоны «естественному росту населения».]

Сегодня в России почти 2/3 забеременевших делают аборт; это ~ 1,7 млн. в год, – первое место в мире; отчего к тому же ~ 200 тыс. женщин становятся бесплодными. В других европейских странах процент населения, пользующегося контрацептиками, втрое больше, а аборт втрое меньше.

Спасение, кажется, вот оно: запрети аборт – и рождаемость превысит смертность, начнется рост населения. Этот путь горячие головы не раз пробовали и у нас, и в других странах. Рождаемость, и впрямь, подскакивает на 30-40%, но на первые год-два, а потом распространяются контрацептики, нелегальные и зарубежные аборт, – и рождаемость опускается на прежний уровень, да вдобавок от нелегальных аборт возрастает численность бесплодных и умерших женщин. Сегодня в Польше аборт запрещены, а рождаемость такая же низкая, как и в России.

[Очевидно, нежеланная беременность и нежеланные дети – не выход.

Так как же вызвать это *желание* детей? Изменить мотивацию? Создать культ двухдетной семьи? Или даже трехдетной? Провозгласить его “национальной идеей”? Призывами газет, радио и телевидения, что ли? В последние годы СМИ на эти детские мотивы очень напирать. Может быть, они сколько-то и помогут. Но кто верит, что они спасут нас?]

{ Приливы и отливы детородности }

Обычно думают: причина воздержания от родов – в отсутствии хороших материальных условий. Это как будто бы подтверждают и социологические опросы: до 40-50% женщин объясняют его низкими доходами и отсутствием жилья и уверяют, что при улучшении условий готовы родить еще. Однако, в действительности, такие заявления – чаще всего отговорки, искренние самооправдания, а на деле, как показы-

вает практика, они *при любых условиях* рожать больше просто не хотят, в чем в итоге и признаются. На вопрос социологов о причинах воздержания от ребенка следуют обычные сетования на нехватку зарплаты, жилья, детсада, бабушки, на семейные болезни и конфликты; но когда спрашивают: «При каких условиях вы завели бы третьего ребенка?» – решительно отрезают: «Ни при каких».

{Конечно, хотелось бы, чтобы }

В президентском послании 2006 г. В.В. Путин выдвинул целую систему небывалых у нас материальных поощрений рождаемости, в частности, удвоение детских пособий на первого ребенка с 700 рублей до 1,5 тыс. руб., на второго – до 3 тыс. руб. и главное – награждение его матери капиталом в 250 тыс. руб. (теперь, после его инфляционной индексации – уже 350 тыс.), – с правом использовать его на улучшение жилищных условий, на образование детей или на вклад в накопительную часть своей пенсии.

[Очевидно, предпосылка программы – обычное мнение, что ключ к рождению заключается в улучшении материальных условий. А отсюда вывод – подкинуть денег.]

Конечно, хотелось бы, чтобы эти материальные улучшения поспособствовали росту рождаемости. Вероятно, сколько-то и подействуют. [Как говорится, дай-то бог.] { За четыре года } [И в 2006-8 гг. в РФ наметилась тенденция к некоторому приросту рождений.] Если в 1999-2006 гг. численность школьников сокращалась ежегодно ~ на 1 млн. (вследствие снижения рождаемости в предшествующие 1991-99 годы) [и в сумме к 2006 году уменьшилась на ~ 8 млн.,] то с этого года сокращение остановилось.

[В 2006 г. детей родилось ~ 1,4 млн., то есть на целых ~ 223 тыс. больше, чем в 05 г., а в 07 году ~ 1,6 млн.; прирост хотя уже значительно (на 65%) снизился, но все же составил ~ 15 тыс. Даже в 2009 г. зафиксирован некоторый скромный прирост рождений на 0,016%, (на 23 тыс. детей).]

За четыре года рождение детей выросло на 18%.

Льстивые пропагандисты стали шумно восторгаться:

– Надо ж, нигде в мире не получалось, а у нас получилось.

Старательно не замечая, что прирост *начался* в 2006 году еще до введения этих мер поощрения. И пришелся он как раз на прилив «демографической волны», когда умножилась численность женщин детородного возраста, вследствие всплеска рождаемости в 1986-88 гг. Таким образом, увеличилось число рождений, а не уровень (коэффициент) рождаемости, отношение количества рождений к количеству женщин.

Притом наметившийся скачок, как видим, все же, конечно, скромн, не перекрывает смертность – и стремительное таяние населения продолжается. Между тем, провозглашенная национальная программа поощрения рождаемости, а затем – Концепция демографической политики до 2025 года, с поставленной в ней грандиозной задачей – к 2016 г. увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,685 – создают впечатление окончательного решения проблемы и её «закрытия».

Переломят ли принятые меры нашу демографическую ситуацию? Сменится благодаря им сокращение населения его ростом?

Не верится.

[Впереди замаячил одиннадцатый, 2011 год! – год отлива российской «демографической волны», – когда давно предвидимая специалистами новая демографическая “яма” (сокращение вдвое!) в численности способных к родам женщин сделает недостаточность принятых мер ясной всем.]

Прогнозы специалистов мрачны. Через два года нас ожидает резкий спад рождений, когда в детородный возраст вступят малочисленные дети 1990-х гг. В ближайшие 14 лет, то есть как раз к 2025 году, Россию ждет сокращение населения на 7 млн. человек (по Росстату), по Институту демографии – на 12 млн., а по некоторым другим расчетам – еще большее.

[Почему принятые меры оказываются слабы?

Потому что ключ к росту рождаемости не в пособиях.

В разных странах государства перепробовали самые разные и внушительные программы социальной поддержки семьи: даются и детские сады, и бесплатная одежда детям, и талоны на питание, и бесплатные завтраки и обеды в школах – всего около девяти разных видов помощи. Особенно велики такие пособия и льготы во Франции, достигая на третьего ребенка 30-40% к заработку главы семьи, – так что такое экономическое стимулирование рождаемости стало заметно замедлять экономический рост страны. Но в естественном росте населения никакого сдвига добиться не удастся. Уже столетие государство пытается регулировать рождаемость. Испробовано все, что предлагалось, – и все без толку.

В бессилии перед такой непонятной неподъемностью женщин звучали призывы давать за каждого ребенка какую-нибудь солидную денежную премию, скажем, по тысяче долларов в месяц. Нечто подобное в свое время пробовали делать в Чехословакии, но эти непостижимые женщины не хотят рожать ни за тысячу, ни за две. Подобные пособия способны, конечно, осчастливить родителей, но не стимулиро-

вать. Прежде всего им рады опустившиеся люмпены и маргиналы. В США многие из таких бедных обитателей гетто десятилетиями живут на них, рожая чуть не ежегодно. Но не торопитесь заключать, что на них действуют материальные стимулы, поскольку они и без всяких вознаграждений рожают без ограничений – просто по безразличию к рождению, резонно говоря: «Хуже не будет» и, социально не ответственные, не заботятся о своих детях, обрекаемых стать такими же алкоголиками, наркоманами и уголовниками. Но нужно ли обществу такое “пополнение”? Важно ведь не просто рождение, а воспитание и обучение.

В большинстве промышленно развитых стран Западной Европы и в Японии рождаемость составляет в среднем ~ 1,2% от численности населения и находится на грани смертности или даже ниже ее, а в Англии (1,6%) или во Франции (1,6%) ее превышение дают цветные мигранты, приносящие уже половину (!) всех новорожденных; тогда как коренное европейское население в них тоже сокращается и стареет.

II. Незнание причин и средств.

В конце концов, теоретики откровенно признают: «Ничего сделать нельзя», в отчаянии опускают руки: ничто, никакие меры не способны поднять рождаемость», – и вспоминают печальную идею Л.Н. Гумилева о временности всех народов на свете, допуская, что, возможно, европейские нации – и впереди всех Россия – вступили в «нисходящую ветвь» своей истории, необратимый процесс своего угасания.

Так их пессимизм становится утонченным оправданием бездействия, а проблему начинают прятать, потому что не знают, как с нею справиться.

Так тревожно современное нарастание демографического кризиса.

И не только у нас, но ставшего уже *всемирным*, – где в форме **перенаселённости**, как в Африке и особенно в Китае, где – **разнаселения**, как в России, и всюду грозящего социальными катаклизмами. И еще более оно тревожно оттого, что никто не знает, что делать, чтобы хотя бы остановить неумолимо наползающее лихо.]

{Крест о трех сторонах}

Урок этих тщетных попыток понять и поднять рождаемость, видимо, таков: государство не может и не должно покупать детей у своих граждан. Люди рожают детей для себя, а не для государства или еще кого-то. Дети нужны прежде всего семье. Но отсюда следует, что главная причина малой рождаемости – нехватка потребности в детях.

Об этом кричат и малодетность современных семей, и страшные факты беспризорных детей. В последние годы в Российской Федерации около 2,5 млн. их слоняется по улицам, оставаясь безграмотными. Разумеется, это чада большей частью опустившихся родителей. Треть из них бегут из семьи, где нет отца или вместо отца – отчим, еще треть – потому что отец алкоголик, треть бежали из интернатов. Около 0,7 млн. официально зарегистрированных малюток живет ~ в 280 тысячах домов ребенка и детдомов. И 80% из этих сирот очутились там при живых родителях! Эти дети не нужны родителям и брошены. Это ли не свидетельство, что мы недостаточно любим детей, что теряется потребность в детях?

[Но почему?]

Уже много веков специалистов поражает парадоксальная закономерность: если дети – функция материального благосостояния, то почему в самых богатых индустриальных странах рождаемость низка и продолжает уменьшаться, несмотря на рост благосостояния, а там, где материальные условия самые плохие, в бедных странах Африки и Латинской Америки и в нищих кварталах развитых стран семьи крайне многодетны, так что для планеты в целом главной опасностью сегодня оказывается вовсе не низкая, а чрезмерно высокая рождаемость.

[И по российской статистике, у нас в бедных семьях детей больше. У половины наших семей, имеющих ребенка, достаток даже ниже прожиточного уровня.]

Но тогда не следует ли опасаться, что повышение доходов приведет к дальнейшему снижению рождаемости?

Впрочем, сегодня Россия и в этот парадоксальный аршин не укладывается, ибо у нас общая рождаемость, опускаясь до 0,91%, такая же или ниже, чем в богатых странах (в среднем 1,2%), а смертность (~ 1,54%) выше, чем в бедных (~ 1,16%). Демографы прозвали это пересечение «*российским крестом*».

Этот *демографический парадокс*, как и его российская аномалия, ставят демографов и социологов в тупик.

[Признанного объяснения им нет, хотя, надо думать, в их разгадке как раз и таится преодоление наших демографических бед, ибо способ достижения какой-либо цели создается обращением её *причины* – в средство, а *следствия* – в цель.

Таким образом, чтобы найти способ повышения рождаемости, надо понять причины ее снижения.

В чем же они?

Как мы уже отмечали, рождаемость низка не только в России, но и в большинстве промышленных стран Западной Европы, а кое-где она даже еще ниже. Следовательно, объяснение этого феномена таится не в специфически российских условиях.

Биологические (физиологические) возможности деторождения («плодовитости», «фертильности») в России несравнимо выше реальных рождений.]

По последней переписи, в 2002 г. у нас было 78 млн. женщин, из них в репродуктивном возрасте 38 млн. Правда, около 5 млн. из них бесплодны. Таким образом, способны к родам у нас ~ 32 млн. женщин, и биологически они в состоянии что-то лет за семь население страны *удвоить*, доведя до 300 млн. (~11% годового прироста). Но, увы, не делают этого. А ведь половина из них – женщины в самом цветущем возрасте 20-35 лет.

В результате в 34 млн. наших супружеских пар, а, включая неполные, ~ в 40 млн. семей имеется всего около 29 млн. детей (до 18 лет), так как 5 млн. пар бездетны (17%), 75% имеют только одного ребенка и всего у 8% – больше одного, а многодетных (≥ 3 детей) всего-навсего ~ 1,4 млн. В итоге наши женщины рожают в среднем за всю жизнь 1,32 ребенка («суммарный коэффициент рождаемости»), хотя только для возмещения смертей и предотвращения убыли населения, его «простого воспроизводства», как мы уже знаем, необходимо не менее 2,1 ребенка на женщину.

[Для сравнения: в царской России в 19 веке в среднем на одну женщину приходилось 5,2 ребенка, в начале 20 в. ~ 4,5 ребенка, а родов – более 7,1 - и, несмотря на высокую детскую смертность, темп прироста населения составлял около 2,5% в год, так что сегодня россиянам должно было бы быть не меньше 350-400 млн., притом при сохранении темпов экономического роста предреволюционного 25-летия уже с середины 20 века с уровнем среднедушевого богатства выше, чем в США. Таковую будущую Россию мы потеряли.]

В исходе страшного 20-го века россиянам оказалось вдвое меньше. Вместе с зарубежными соплеменниками их в мире нынче всего-то около 175 млн. По численности населения Россия с третьего места в мире (после Китая и Индии) скатилась на седьмое (после Бразилии и Пакистана).

[Как опять видим, человеческая рождаемость определяется вовсе не биологическими возможностями, а, очевидно, регулируется сознательно. Семьи заводят детей не сколько могут, а сколько *хотят*.

И, тем не менее, за этим видимым родильным произволом стоят объективные законы и причины, – социально-экономические.

К несчастью, современная демография их не знает, поскольку поныне остается преимущественно на эмпирико-статистическом уровне; движения в народонаселении описывает, но мало объясняет. Причин уровня ни рождаемости, ни смертности она не находит, кроме самых ближних и поверхностных, вроде болезней, голода, экономического подъема или спада, медицины и т.п. «факторов», но не глубже. А оттого она не в состоянии предложить и средства их регуляции.

Обобщая результаты попыток государственного вмешательства в рождаемость, демография показала, что ее роста не дают ни бичи, ни пряники, ни запрет аборт, ни рост доходов, ни премии, и на этом основании утвердилась в убеждении, что ситуацию с загадочным феноменом рождаемости невозможно изменить, потому что это никому никогда не удавалось – никакими средствами. Возможно лишь снизить смертность, в первую очередь детскую, да сколько-то продлить жизнь стариков – улучшением благосостояния и здравоохранения.

Но кто этого не знает и без всяких демографических экзерсисов? Неужели, в самом деле, решения – альтернативы вымиранию – нет?

А может быть, все же есть?

Разве мы знаем, что такое эти самые человеческие *потребности*?

Обыденное сознание не отличает потребность ни от желания, ни даже от прихоти, ни от необходимости. Что мы подразумеваем под ними? На чем они основаны? Чем они определяются?

Не таится ли решение в их сущности?

Но если для нас это – пустые слова, что же мы хотим? на что нам надеяться? Как, не зная сути вещей, можно что-то в них изменить?

Только выяснение сущности потребности дает надежду открыть объективные законы, регулирующие рождаемость, объяснить её исторические и географические различия, все еще загадочные, а также причины ее падения в странах Европы и, прежде всего, конечно, в России.

А уразумение глубин социальных процессов обещает навести на практические меры, призванные привести к подъему рождаемости.

III. Что такое потребность в детях?

Специфическую детерминацию поведения живого и, в частности, человека я вижу в *необходимости*.

Разумеется, здесь не место углубляться в философский анализ необходимости, потребности, возможности и т.д. Ограничимся кратким резюме теории, развитой в моей давно уже раритетной монографии по нецеситной социологии ⁴.

Необходимость (лат. *necessitas*) – это такие **объективные отношения** людей с миром, которые обеспечивают их существование – самовоспроизводство, так что без них или без подобных им **замен** – вследствие *естественных причин и законов* – люди и созданные ими системы **не могут существовать** и сообразно условиям развиваться, иначе говоря, впадают в застой, деградацию, разложение и в итоге погибают. Такова, например, для человека необходимость воды, пищи, тепла, движения и прочее.

Соответствие действительности и необходимости переживается нами как *благо*, а разлад действительности и необходимости причиняет страдание и является *злом*. Отсутствующую часть необходимого именуют *нуждой* (или часто – *потребностью*), потому что, когда необходимое есть, его обычно не замечают, как воздух или здоровье.

Генезис живого отображает эти объективные необходимости *внутри* самого существа, в его строении и состоянии, от молекулярного уровня до внутренней секреции и рефлексов нервной системы, но у людей сверх того, – через разум как *понимания* своего положения в мире, которые воплощаются в его *интересах* – желаниях и практических идеях, – *оценках* и *замыслах* от грезы и мечты до программы, плана и проекта.

Это субъективное направляющее изображение объективной необходимости именуют **потребностями** и часто не различают. Однако *потребность* есть только *представительство* необходимости в нашем организме и психике, но не тождественно необходимости, ибо бывает также и ложной, как потребность наркомана или фанатика ложной идеологии. Тогда как необходимость объективна и ложной не бывает.

⁴ **Ибраев Л.И.** Необходимость и свобода. Очерк нецеситной социологии. Изд. “Стезя”, 1993. Здесь же, в частности, – демографические законы (Гл. X.2). 2-е изд. исп. и доп. «Салика», 2013. ISBN 978-5-906541-01-7

Вероятно, новая теория будет во благо для многих стран мира, однако я хотел было в разработке новой демографической политики дать России фору, хотя бы в несколько лет, а для этого обратиться напрямую к нашему высшему руководству. Наша родина больше всех пострадала в жестокий 20-й век и, по-моему, вполне заслуживает такого предпочтения. Однако из моей дерзкой затеи ничего не вышло – и, вижу, давно пора её опубликовать уже сразу в полном виде, включая сакральную третью часть, – и пусть ее идеями займется общественное мнение.

Увы, как и во всяком познании, в наших рефлексах и практических идеях всегда присутствуют *заблуждения* – несоответствия необходимости; таковы всякие пустые мечты и пустые надежды, причуды и блажи, мифы и утопии. Вот почему приходится различать желания и потребности – нужды.

От животных людей отличает производство необходимого. Эти создаваемые человеком системы тоже имеют свои потребности: скот – в тепле, воде, траве и других кормах, завод – в электроэнергии, сырье и т.д., семья – в жилище, доходах и т.д. И поскольку наше благополучие зависит от этих потребительных, производственных и социальных систем, мы принимаем их своим продолжением, а их потребности своими собственными, – производственными, бытовыми, культурными, нравственными и т.д., и, как видим, основательно.

Вот каким образом именно необходимость в конечном счете определяет наши потребности, а затем – оценки и идеалы, желания и т.д. – волю, а через них – наше *поведение*, включая демографическое.

Однако необходимость незрима, потому что она не вещь, а именно особые отношения между вещами. Поэтому, в чем заключается необходимость, это само еще необходимо понять или обрести вслепую. Но ни то, ни другое совсем не гарантировано. Увы, и в истории, и в настоящем неоглядна печальная череда трагических обвалов, когда люди и целые народы оказывались неспособными свою необходимость постигнуть или достигнуть и исчезли.

Перейдем к потребности в детях.]

Объективно рождаемость определяется *потребностями* и *продуктивными возможностями* людей, то есть теми отношениями между людьми, которые определяют их доступ к производству и потреблению.

[Хотя приведенная формулировка нецелостного (так сказать, *необходимого*) демографического закона, как будто бы совсем несложна, но это потому что она, очевидно, предельно обща и в силу такой абстрактности сама по себе неясна, и, чтобы стать понятной, нуждается в конкретизации применительно к узнаваемым случаям, хотя бы наиболее типичным.

Начнем с так называемого «традиционного общества».

Старинное патриархальное земледелие является *ручным* и – соответственно – *требует много рабочих* рук с практическими трудовыми навыками, но не предполагает их обязательную грамотность и какое-то специальное образование, поэтому отличается невеликими затратами на детей («ценой ребенка»). Эти два обстоятельства: с одной стороны, хозяйственная потребность во многих работниках, а, с другой стороны,

“малозатратность” их выращивания и вызывают общеизвестную многодетность старинных крестьянских семей.

А географические различия в ведении крестьянского хозяйства определяют местные демографические особенности.

Невысокая встарь урожайность российского Нечерноземья требовала для самопрокормления обширных пашен и лугов и обусловила редкость в нем крестьянского населения, а также его расселение на новые земли, территориальное расширение цивилизации. Наоборот, исключительно высокая урожайность садово-огородного земледелия и рисоводства Китая, Явы, Индии, где с какого-нибудь одного гектара может прокормиться семья в 10-12 человек, породила исключительную густоту населения в этом влажном субтропическом и тропическом регионе.

Однако современные промышленные условия преобразуют также сельское производство и делают такую плотность населения избыточной, вынуждая и семьи, и власти к всевозможным ограничениям деторождения – вплоть до карательных санкций и стерилизации.

Вот почему в слаборазвитых странах Африки и Латинской Америки, на «Юге», где еще доминирует старинное сельское хозяйство и его традиции, сохраняется высокая рождаемость (4-5%) и многодетность. К тому же благодаря распространению в 20 веке европейской медицины смертность здесь, прежде всего детская и эпидемическая, была резко снижена – до 1,2-2% и естественный прирост населения достиг 2-3% в год, а поскольку производство за ним не поспевает, благие намерения оборачиваются ростом бедности и голода. Необходимость экономико-демографического *баланса* даже не создается.

В советской южной Азии на возводимые там заводы и фабрики работников приходилось вербовать из России, а местные жители, несмотря на все партийные усилия, шли на них неохотно, предпочитая традиционный образ жизни и труд на приусадебных участках, в своих садочках, бахчах, виноградниках, да эпизодически – на колхозных полях, поэтому лишь в меньшинстве могли рассчитывать на пенсию, но сохраняли старый быт, старые семейные отношения и – соответственно – высокую рождаемость. Аналогично положение на сельских территориях и в нынешнем Китае, Индии и т. п. странах.

В современном индустриальном и постиндустриальном обществе, в промышленных урбанизированных странах Европы и Северной Америки (на «Севере») высокий уровень благосостояния и медицины снизил смертность еще больше, до 1-1,2%, но вследствие падения рождае-

мости естественный прирост населения составляет всего 0,1% - 1% или даже происходит убыль их коренного населения.

В чем же причина этого парадокса: благосостояние высоко и растет, а рождаемость низка и падает? Теперь мы в состоянии ее раскрыть.

В модернизованном промышленном обществе в целом вследствие его технологических и структурных преобразований произошло снижение объективной необходимости в многочисленности населения. Раньше, при слабой технике, производство и война требовали больших масс работников и воинов, а теперь огромные экскаваторы, грузовики, электростанции, автоматические станки, самолеты, компьютеры и т. д. дают при меньшем количестве людей многократно больше богатства и мощи. Прежнего роста населения не требуется – и впереди вырисовывается перспектива ослабление угрозы перенаселения планеты.

Однако в промышленных странах проступает другая беда – болезненная нехватка населения; его снижение явно чрезмерно.

Почему?]

Причина в том, что отдельный человек и отдельная семья руководствуются потребностями вовсе не общества в целом, а их представительством в своих личных потребностях, но новое промышленное, сервисное и духовное производство и городской быт преобразили всю систему личных потребностей людей: в жилье, технике, транспорте, связи и т.д. Многих нынешних потребностей раньше просто не было. Сравнить там не с чем. Это не увеличение, а именно системное преобразование.

В частности, современные условия создали для человека необходимость в длительном и высоком образовании и культуре, тем самым принуждая к поздним бракам, а затем требуя от него на воспитание и обучение детей больших затрат и труда.

Рождение ребенка здесь меняет весь образ жизни родителей, долго отрывает их от работы, мешает карьере и решиться на рождение становится не просто. И при высокой «цене ребенка» иметь много таких буквально дорогих детей для многих просто не по карману. Растить же своих чад не подготовленными к общественным условиям и потому обреченными на жизненный неуспех, годных разве что для малоквалифицированной, черной работы, любящие родители, естественно, не хотят.

[Ведь для удовлетворенности человека важно не просто количество благ само по себе, а их отношение к потребностям. Открытие их необходимой сущности составляет оригинальность нецеситной социологии. Без понимания же ее даже не приходит в голову, что рост по-

требления может сопровождаться, тем не менее, снижением благосостояния – удовлетворенности потребностей, потому что необходимости-то изменились, – и не просто “выросли”, а стали новыми. Вот тогда-то как раз и возникают примитивные чисто количественные сравнения и удивления:

– Как же так, вроде бы потребление белка, сахара или железа “на душу” увеличилось, стало быть, “благосостояние растет”, а рождаемость почему-то падает?

Но не закрадывается даже сомнения: а не значит ли это, что степень удовлетворенности потребностей здесь снизилась? Несмотря на видимый рост благосостояния.

В нецеситной теории демографический парадокс просто исчезает и становится ясным, какие здесь встают препятствия и что делать, чтобы их преодолеть. (Об этом дальше).

В этом радикальном преобразении необходимостей и, соответственно, их проявлений – потребностей и в разной мере их удовлетворения действительностью и заключается корень множества современных социальных проблем, включая и демографические.

Отсюда, между прочим, следует, что нынешний избыточный рост населения в слаборазвитых странах может остановиться только вместе с их промышленной модернизацией.]

Другая причина современного мирового демографического кризиса – в коренном преобразении самой *семьи*, ее функций, структуры и отношений.

В патриархальной семье, крестьянской или ремесленной, [дети круглосуточно живут **вместе** с родителями, в одном с ними доме и в одном хозяйстве, с младенчества в меру сил начиная работать вместе, мальчики – помогая отцу, девочки – матери, втягиваясь в их труд, перенимая их умения и навыки, а, повзрослев, содержат состарившихся родителей, даже если отделяются от них в молодую семью. Для патриархальных крестьян и мещан] дети были “собесом” их старости, личным “пенсионным фондом” каждого, а почитание стариков – лелеемым общественным культом. В детей и вкладывались средства и силы.

А в промышленных странах дети с младенчества, а со взрослением все в увеличивающейся мере живут врозь от родителей – в яслях, детсадах, школах, училищах, университетах, армии, и с таким трудом выращенные из них работники-специалисты служат не непосредственно своим старикам, а обществу в целом, [живя и работая обычно далеко от них, в разных местах, в своих отдельных помещениях, по раз-

ным профессиям – и материально они независимы друг от друга; молодые где-то зарабатывают, а старики находятся на социальном обеспечении, получая пенсию, но – теперь уже никак не зависимую от количества и качества выращенных ими детей.

Такое материальное расщепление поколений, с одной стороны, разрушило в современных семьях старинный патриархальный деспотизм, источник стольких когда-то несчастий, но, с другой стороны, подорвало их взаимное обеспечение. Непосредственная **необходимая**] связь между родителями и детьми распалась. Дети стали необязательной роскошью. Старики стали трогательными или досадными гостями.

Этот распад родства произошел не сразу.

[Но с 18-19 веков немощные старики все чаще оставались покинутыми своими детьми, отделившимися или даже уехавшими. И перспектива беспомощности заставляла людей копить себе на старость, а кто не был предусмотрителен, тот кончал печально. Правда, многие не доживали до того, чтобы воспользоваться накопленным, а другим его не хватало. И то, и другое было трагично и расточительно для общества. Недовольны были и наниматели, которым приходилось либо платить работникам избыточно, чтобы те могли что-то откладывать, либо работники экономили на себе, слабели для работы и прежде времени изнашивались.

Так драма распада патриархальной семьи породила новую **потребность** и идею – социального страхования болезни и старости, отстаиваемую профсоюзами и социал-демократией, но в итоге поддержанную и буржуазией, осознавшей ее выгодность также и для себя. И социальное обеспечение стало великим достижением современного промышленного общества. Но оно же окончательно разрушило личную материальную *нужду* в детях.]

Так, оказывается, снижение рождаемости связано не просто с изменением благосостояния, как обычно воображают, но с перестройкой человеческих отношений, потребностей и идеалов.

Здесь, с одной стороны, в перестройке личных потребностей, их неудовлетворенности и вздоружании детей, а с другой стороны, в недостаточности личной нужды в детях – *двусторонняя* причина низкой рождаемости.

[Но вовсе не в “абстрактной” (не соотнесенной с потребностями) недостаточности благосостояния, как обычно воображают. Раньше много рожали и в материальных условиях безмерно худших, просто несопоставимо худших, как было в России в страшные годы гражданской

войны, потому что иными были потребности. Да и ныне даже в бедности не отказываются от родов те, кому дети нужны или по меньшей мере не помеха для их системы потребностей.

Незамечание этой деструктивной стороны социальной реформы было роковой ошибкой социал-демократии, а она, в конце концов, поставила под угрозу само существование европейских наций с развитой системой социального обеспечения.

Конечно, не сразу, а через годы, но вздорожание детей и разрыв материальной связи между поколениями привели к падению рождаемости и перманентному демографическому кризису, – и в первую очередь в тех странах, которые первыми ввели такую недальновидно недоработанную систему обеспечения старости. В Бельгии рост населения почти полностью прекратился еще в 1930-е годы; во Франции с 1935 г. население стало сокращаться; в Германии – с 1972 года.

В середине 20-го века нехватку рабочих рук они попытались восполнить иммиграцией из других, более патриархальных стран, пока не увидели с испугом, что инородность культуры и низкая квалификация приезжих ведут к уже описанной нами ⁵ межэтнической социальной конфликтности.

Но роковая ошибка социальных политиков начала 20-го века до сих пор совершенно не осознана ни в науке, ни в общественном сознании; поэтому не исправлена и продолжает исподтишка творить свое черное дело.

Это распадение и непонимание важности материальной *связи поколений* нашло еще одно проявление в общественном сознании – в пренебрежении к родительскому труду, в падении престижа материнства и отцовства. Годы домоводства и тяжелых, изматывающих забот о детях, падающих, естественно, больше всего на родительниц, реально *не ценятся* и даже третируются как нечто второстепенное в сравнении с материальным или духовным производством – и ни с *доходами*, ни с начислением *пенсии* никак не увязываются.

Такое общественное пренебрежение к быту обусловило также превратное отношение к женщине. В общественном мнении сложилась оценка женщин по мужским меркам, невнимание к ее особой самости, а равноправие трактуется как уравнивание. Различия женщин и мужчин феминизм стал сводить исключительно к социально детерминированным, именуя гендером, от шутливой английской *gender*, а биологическое существо – просто полом (*sex*). Но оценивать женщину по муж-

⁵ [Www. mari-el.ru/homepage/ibraev/](http://www.mari-el.ru/homepage/ibraev/). Часть 2.

ским достоинствам – значит не дорожить женскими достоинствами. Крайний феминизм просто не замечает, что оскорбляет и унижает женщину.

Что поделаешь? Факт, что женщины чаще всего уступают мужчинам в росте, силе, ловкости и изобретательности и не в состоянии тягаться с ними в беге, борьбе, охоте, тяжелых физических работах или шахматах; но зато они превосходят их в выносливости, гибкости, грации, памяти, чутье и имеют главное преимущество – способность рожать детей и привлекательность, терпение и нежность, чтобы их зачать и растить. Глупо пытаться превратить одно в другое, требовать, чтобы женщин было столько же в шахтах, армии, бизнесе или парламенте. Почему бы тогда не требовать от мужчин, чтобы они рожали и вскарммливали младенцев?

Мужчины и женщины просто разные. Не в том дело, что одни лучше, другие – хуже, а просто разные. И те, и другие нужны человечеству именно в своем качестве и дополняют друг друга; а друг без друга ни один не полон. Уравнивать их нелепо, как спрашивать: “Что лучше булка или рубаха?” Очевидно, они несравнимы. Оба хороши, оба нужны и одно другое не заменит.

Нет худа без добра. Демографический кризис европейских наций трубит гимн женщине, открывая всем глаза на, казалось бы, очевидное – ее особую великую и незаменимую роль в обществе.

Конечно, зарплата металлурга из горячего цеха не может быть такой же, как у магазинной кассирши, – и в промышленных странах женщины зарабатывают в среднем на 70% меньше (в России меньше ~ на 40%, хотя обычно не потому, что у женщин зарплата высока, а потому, что у мужчин она невысока). Но зато на личное и семейное потребление женщины тратят раза в четыре больше мужчин. И что-то я не замечал, что они недовольны этой диспропорцией своих доходов и расходов.

Что их обижает и гнетет, так это недооценка их женской ипостаси. Каждая девочка, мечтая о счастье, кроме всего прочего, всегда *хочет* состояться именно как женщина: пережить восхищение собой окружающих, волнение свиданий, стать возлюбленной, желанной невестой, любимой женой, хозяйкой в своем доме, любимой мамой. Без этого никакой успех в карьере недостаточен для ее довольства жизнью.]

Однако в России почти половина (!) женщин одиноки, страдают от этого и стыдятся, выдавая себя за замужних. Так что, по переписи населения, замужних женщин у нас оказывается значительно больше, чем женатых мужчин.

Почему же возникает такой чудовищный провал?

Обычно думают: это оттого, дескать, что у нас мужчин, тем более хороших, на всех не хватает; их же на 10 млн. меньше. Но ведь перевес начинается что-то с 33-летнего возраста, – вследствие разности в продолжительности жизни; а в самом цветущем возрасте 20-35 лет полов у нас приблизительно поровну, ~ по 15 млн. и тех, и других. Между тем среди 25-летних женщин одиноких – две трети.

Главное препятствие заключению брака не здесь. Причина его откладывания – *трудовая* и *жилищная неустроенность* молодежи.

Какое, господи, супружество, какие дети, если заработок мужа недостаточен для семьи, чтобы компенсировать потерю заработка новой матери? А утрату квалификации? Если невозможно гарантировать ей работу после выхода из материнского отпуска? Если цены на квартиры недостижимо фантастичны? *Треть* россиян теснится с родителями, + еще *четверть* жилье снимает за бешеные деньги, а все стены городов залеплены умоляющими объявлениями о поиске хоть какого-нибудь сдаваемого жилья?

Однако возрастные пределы не позволяют женщине бесконечно откладывать в ожидании, когда же, наконец, обожаемые верхи очнуться и тяжелые проблемы будут решены. И вот многие россиянки вынуждены довольствоваться сожительством без регистрации, – «гражданским браком» и почти треть рождает вне брака, либо до 20 лет – от случайной беременности, либо после 30 лет, потеряв надежду на замужество. Вот откуда печальный итог: около 40% наших детей воспитываются вне семьи матерями-одиночками.

В современной России более 60% всех бедных и около 65% безработных – это женщины. И особенно тяжело положение как раз незамужних и отчаянно положение одиноких матерей. Такая неустроенность толкает молодых женщин на отказ от детей и на проституцию. В одной Москве насчитывают ~ 330 тыс. проституток, а по России – миллионы, на которых сутенерские банды наживают миллиарды долларов. С 1992 г. за пятнадцать лет ~ 200 тыс. россиянок выехало замуж на Запад. Разные преступные фирмы вербуют и выманивают за границу сотни тысяч наших самых прекрасных молодых женщин, чтобы там отобрать паспорт, приставить охрану и, пользуясь их одиночеством и бесправностью как нелегалов, обратить в товар и в сексуальных рабынь (sextrade). Но никаких серьезных законодательных и организационных мер для защиты несчастных у нас так и не принимается.

Но нет достаточной государственной защиты также и замужних женщин. Около 70% их страдает от семейного насилия со стороны не

удовлетворенных жизнью и раздражительных мужей; около 15 тыс. в год погибает убитыми.

[В Советском Союзе с 1936 г. для затруднения разводов были введены *алименты* на содержание ребенка; но в условиях рыночной экономики и *теневых* доходов контролировать заработки и взимать их чрезвычайно трудно. В США хотя бы иногда алименты платит лишь ~ 20% разведенных мужчин. Не удивительно, что из-за неудовлетворительных материальных условий 3/4 российских детей страдают разными хроническими заболеваниями и часто вырастают непригодными к армейской службе.

Таковы три объективные нецелесообразные причины современного падения рождаемости:

1) *преобразование* необходимости и – соответственно – человеческих *потребностей*, поэтому *вздорожание детей*, но *неудовлетворенность* новых потребностей;

2) *разрыв* непосредственной практической и материальной *связи между поколениями* – родителями и вырастающими детьми, поэтому ослабление нужды в детях и третирование быта и

3) трудовая и жилищная неустроенность молодежи.

IV. Средства повышения рождаемости]

{ И все-таки быть! }

Не будем тратить на обыкновенные охи-ахи, а сосредоточимся сразу на практических выводах из анализа.

Перестроившиеся потребности людей современного общества обусловлены объективно новой необходимостью и отменить их невозможно. Возродить былую потребность в детях для ведения собственного дела в большинстве случаев сегодня тоже невозможно. Современное хозяйство обычно не семейное, а общественное.

Но, как видим, необходимо восстановить зависимость благосостояния и статуса людей, как зрелых, так и престарелых, от родительства.

Как же это сделать?

А так же, как некогда *непосредственная* материальная связь между поколениями была обществом разорвана, так ныне она, видим, должна быть восстановлена, пусть в новых условиях опосредованная. *Необходимо* социально обусловить у людей личную материальную и моральную нужду в детях.

Для этого, очевидно, благосостояние человека, его доходы и общественное положение, от статуса до карьерного роста, а в итоге, в частности, доходы, включая и пенсии, должны быть поставлены в зависимость не только от личной работы, ее стажа и размера заработка, но также от количества и качества поднимаемых и поднятых им детей.

Как именно провести такое “детское перераспределение” статусов и доходов? – это требует общественного обсуждения.

[– А что, может быть, отменить, к черту, все пенсии, раз они такие чреватые? Пусть каждого кормят его дети! – так осеняет лихие головы.

Разумеется, в современном розненном обществе такая старая норма совершенно неработоспособна. И попробуй кто пенсии отменить – страну парализуют протесты, а отменителя самого “отменят”, прах зарядят в пушку и выстрелят в небо, как в свое время бедного Лжедмитрия.

Отменить систему социального обеспечения нельзя, потому что она необходима. Однако социальная политика в государстве ныне требует коренной перестройки – для возрождения продуктивной связи между поколениями на личном уровне.

Как? Вернуться к *налогу на бездетность*? Разумеется, в современной редакции?

Но в этой идее заложен расчет принудить – “заставить” рожать, а это воспринимается неморальным, как всякая несвобода – принуждение и наказание. К тому же он предстает также и непрагматичным. Если человек и без того воздерживается обзаводиться детьми как раз из-за стесненности своих жилищных условий и дохода, то не возмутительно ли его за это еще и наказывать дополнительным налоговым вычетом? Едва ли это приблизит его к условиям родительского подвижничества.

Однако справедливо ли в старости, как ни в чем не бывало, пользоваться пенсией, пусть заслуженной своим прежним трудом и накоплениями, но, тем не менее – актуально обеспечиваемую трудом не тобою возвращенных детей? Но не утруждать себя внесением собственного вклада в создание этого будущего поколения? Здесь, как видим, налог на бездетность оказывается справедливым. Все-таки какой-никакой способ перераспределения средств. Если сам не растишь детей, так помоги другим.

Сверх того, при прочих равных условиях бездетный налог будет по меньшей мере склонять рожать,

Выходит, для устранения из налога на бездетность неморального ущемления нуждающихся требуется его дифференциация в зависимости от величины дохода. Налог на бездетность должен быть ограничен исключительно людьми состоятельными, быть налогом на тех, чей доход близок к среднему или выше среднего по стране. Одновременно он должен послужить способом сглаживания многократной разницы в доходах, давно ставшей у нас опасной.

Но демографическое («детское») *перераспределение доходов*, разумеется, может быть достигнуто также иначе.

Например, наоборот, путем эквивалентной “детской” *добавки* – социальной помощи родителям, – в виде денежных пособий на детей, полностью или частично бесплатных “социальных квартир”, детсадов и т.д.

Так сделано в Скандинавии. Там, как известно, самый высокий уровень социального обеспечения, в том числе стариков и одиноких матерей. Соответственно и коэффициент рождаемости там наиболее высокий в Европе, и иммигрантов на работы они не приглашают, наоборот, ставят им самые трудные барьеры. Правда, не сказать, что в Шведском королевстве воцарилось в человеках благолепие. Уровень распада семьи – соответственно – здесь тоже самый высокий. В “сексуальной революции” они впереди планеты всей. И вот – без малого 80% детей рождаются здесь вне брака и растут полусиротами, без отцов, – а процент суицида среди подростков наиболее высокий. Как видим, и скандинавы в социальной политике не все учли.

Или еще вариант – *налоговые скидки* на доходы для лиц, имеющих двух и больше детей, как это принято в США. Таким образом, там по существу действует скрытый (не называемый) налог на бездетность, – но в обратной форме – фактически повышенного подоходного налога на бездетных. И, надо признать, не без успеха.

Или путем какой-то комбинации из таких наложений и льгот, рассчитанной на тот же демографический эффект.

Так или иначе, получается, на полное освобождение от налога на бездетность и полную *пенсию* должны рассчитывать только пары, *вырастившие* в квалифицированных работников не менее двух детей. Те, у кого детей меньше, доходы и пенсии соответственно снижаются, у кого больше, – прибавляются.

Такое вещественное, *реальное* общественное уважение и перераспределение доходов и пенсионного фонда, понятно, не требуют дополнительных финансовых средств, но повысят материальное стимулирование и *престиж* материнства и отцовства.

V. Детские условия

Очевидно, только при условии возрождения личной нужды в детях станет действенной обратная сторона двусторонней детерминации рождаемости (См. III) – материальные условия удовлетворения родительских потребностей. А то как бы и, и в самом деле, вместо роста рождений не получить их снижение.]

Но нужна не обычная государственная или социальная забота о молодых семьях, благотворительность *избранным* счастливцам, склоняющая к иждивенчеству, то есть к пассивности и тем самым делающая недостижимым необходимый рост общественного богатства. Нужны условия, открывающие возможности *всем* для собственного трудового удовлетворения потребностей семьи.

Среди первоочередных мне видятся такие общеизвестные условия, как:

– Возможность *безотлагательного* (!) обретения *жилья* по *ипотечному* кредиту. Отложенное жилье – это отложенный ребенок.

Понятно, что для этого банковский кредит должен стать достаточно дешевым, притом не для некоторых привилегированных, а для *всех* равно. А это возможно только благодаря *безотлагательному* и крутому снижению в стране *инфляции*. Дожатие инфляции до 1-2% годовых и тем самым соответствующее снижение процентов по ипотечному кредиту поможет молодым семьям больше, чем все “материнские капиталы”.

К тому же такое дожатие инфляции послужит бурному подъему строительной, а за ней и всякой индустрии в стране.

Но доступность кредита придется дополнить уголовным преследованием и судебным разделением разных нынешних местных строительных *монополий*, образуемых в союзе с коррумпированной бюрократией – ради вздувания цен за квартиры. В их миллиардах – миллионы не сложившихся семей и не рожденных детей.

– Второе условие – рабочие места, а для этого расцвет предпринимательства, несущего возможность найти достаточно оплачиваемую работу и (или) открыть *собственное дело*.

Но и для этого нужен тот же *дешевый длинный кредит*, а также, как ныне всем известно, – и отсутствие монополистических и бюрократических препятствий предпринимательству, следовательно, вымогательства взяток.

– Восстановление социального обеспечения детства – широкой системы детских садов, доступных по размеру платы, а для школьни-

ков – бесплатных спортивных секций и творческих кружков для всех желающих.

– Прекращение денежных поборов, распространившихся в последние годы в *государственных* больницах и школах, для этого квалификация их как уголовных преступлений. Оплата должна происходить исключительно по медицинскому полису через страховые компании. Коммерческая медицина и школа допустимы только вне стен государственных учреждений, у *других* специалистов и с лицензией.

– Наоборот, все высшие школы, дабы очистить их от коррупции, сделать доступными для всех одинаково и затруднить утечку выпускников за границу, лучше всего перевести на *коммерческое обучение* – за плату студентов в зависимости от рейтинга заведения, однако обще-доступную для каждого – благодаря как раз тому же долгосрочному *дешевому кредиту* – с его последующим погашением уже работающими специалистами. Стал специалистом – и постепенно, лет 15-20, расплачиваешься за кредит. И никакой эмиграции, пока не вернешь долг.

И другие подобные меры.

┌ Однако вымирание наций сменится их возрождением, конечно, не вдруг – поэтому временно, пока демографические установки у людей не переломятся, остается необходимой существенная социальная забота о детях нуждающихся одиноких матерей, – вместо трудно достижимых алиментов *социальное дотирование* им хотя бы *половины* средних по стране детских трат среди *одиноких рядовых тружеников*, работающих по найму.

Когда же статус и доход человека на самом деле станут существенно зависеть также и от выращиваемых им детей, потребность в такой дотации отпадёт, потому что все чаще, думается, у многих из нынешних полусирот станут вдруг объявляться папаши, которые *сами* будут искать своих кровинок, платить алименты и заботиться о них. Тогда у нас исчезнет также такой нынешний позор, как брошенные никому не нужные дети. Наоборот, те, кто сами почему-либо не смогли родить, будут соревноваться в усыновлении и удочерении сирот.

Как, надеюсь, каждый видит, предлагаемые практические выводы – это не какие-то благие пожелания: вот хорошо бы, абы да кабы, – а **необходимость** – царица суровая: она оставляет нам свободу действия, но с выбором жестким: либо сделай так, либо нация растает. ┘

Однако не стоит обольщаться. Само собой разумеется, и настоящие меры не поднимут рождаемость вдруг, немедленно, с завтрашнего дня. Такой инерциальной махине, как общество, на разворот нужны годы.

【 Однако как в свое время **необходимые** перемены в индустриализующемся обществе и ошибки в социальной политике обусловили нынешний перманентный демографический кризис, так их исправление исторически довольно скоро приведет к перелому в ситуации: население перестанет сокращаться чрезмерно или разрастаться избыточно, а будет таким, какое необходимо.

Общество, наконец, откроет и обретет механизмы нецеситного регулирования своей численности. 】

Теги: [Демография](#), [кризис](#), [Россия](#)

Форум. Независимая газета. 7.09.10.

3. [Dr Strangelove](#) (id:12634)

Замечательная статья на злободневную тему! На мой взгляд, ради решения проблемы надо спуститься на ещё более низкий уровень стимулирования рождаемости, чем вбабахивание денег в социалку. Прежде всего необходимо привить населению культ ребёнка, культ семейственности, утвердить в обществе мнение о том, что воспитание ребёнка это огромный позитив (респектабельно, круто, модно, патриотично, кошерно, готично и т.д., кому что нравится). Пока в умах граждан не осядет осознание пользы от деторождения, никакие финансовые вливания не помогут - они просто уйдут в песок. И придумывать то особенно ничего не требуется, просто убрать идиотские бесполезные уроки НВП в школах и прочую псевдо-патриотическую пропаганду, заменив их уроками планирования семьи. Добавить сюда долгосрочное финансирование образовательных и просветительских программ в прессе, ТВ, радио, социальной рекламы на улицах. Затраты на подобную помощь населению в пользу правильного выбора окажутся сравнительно невелики, а эффект обязательно придёт при условии методичности и без абсурдности воплощения замысла.

2 [Политолог](#) (id:17285)

Проблема в том, что, начиная с родов и далее всю жизнь, - мать живет в состоянии страха и унижения. За себя то уже привыкли не бояться. Но детей жалко. За что им такое наказание - жить в этой стране?

[ответить](#)

14:33

07.09.2010

1 [Galkin](#) (id:12422)

Каждое явление, каждый процесс имеют свой конец и свое начало. Имеет свой срок жизни и цивилизация: была египетская цивилиза-

ция и древне-греческая, длившиеся 2-3 тысячи лет, были майя, инки шесть-восемь веков, угасает и тысячелетняя промежуточно-евразийская российская квазицивилизация, не приспособившаяся к современному жестко-материальному образу жизни. На смену придет другая смешанная центрально-азиатская и пятитысячелетняя дальневосточная. Это глобальный процесс, противостоять ему невозможно.

[ответить](#)

[Досадно. Газета взяла некоторые из практических выводов, но вырезала анализ, служащий основанием для этих выводов, тем представила их очередными благими пожеланиями, случайными и совершенно необязательными.

Так эти однобокие выборки из статьи её оглушили и обесценили.

В некоторые из этих изъятий и устремились читатели со своими откликами.

Урок мне на будущее: соглашаться печатать либо целиком, либо ничего. Или лучше хоть что-то?]